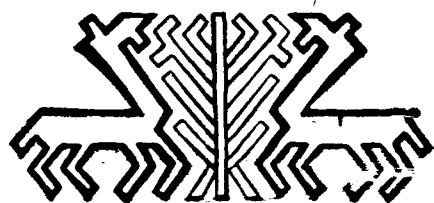

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

1 9 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Л. С. ТОЛСТОВА

МАТЕРИАЛЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ГРУППЫ «КАРАКАЛПАК» САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ УЗБЕКСКОЙ ССР

За пределами Кара-Калпакской АССР, в некоторых областях Средней Азии и Казахстана, живут небольшие группы каракалпаков. В настоящее время каракалпаки проживают в Хорезмской области Узбекской ССР и Ташаузской области Туркменской ССР (т. е. в пределах Хорезмского оазиса), в Бухарской, Ферганской и Андижанской областях Узбекской ССР и в Казахской ССР. Кроме того, в Ташкентской¹ и Самаркандской областях Узбекистана, Южно-Казахстанской² и Западно-Казахстанской областях Казахстана³ имеются небольшие группы каракалпаков, сравнительно недавно утративших свое национальное самосознание.

Изучение этих групп каракалпаков представляет значительный интерес. Их этническое развитие идет иным, отличным от основной массы каракалпаков путем. За годы Советской власти в Кара-Калпакской АССР сформировалась каракалпакская социалистическая нация. Многие же из малых групп каракалпаков, издавна оторванных от основной массы своего народа, переживают процесс постепенного естественного слияния с окружающими их крупными социалистическими нациями — узбекской и казахской — и уже утратили значительную часть особенностей национальной культуры и языка, частично и национальное самосознание.

Изучение этого процесса очень важно, так как помогает восстановить историю каракалпакского народа и вскрывает конкретные пути развития этнических групп и национальных меньшинств в наше время.

Автором в предыдущие годы велась работа по изучению этнической истории каракалпаков Ферганской долины⁴. Данная статья является результатом полевых этнографических исследований, проводившихся летом 1960 г. Зеравшанским отрядом Кара-Калпакского филиала Академии наук Узбекской ССР среди этнографической группы «каракалпак» в Самаркандской области (Зеравшанская долина)⁵.

¹ В. В. Решетов, Некоторые замечания о каракалпаках Хорезмского оазиса и их языке, «Бюллетень АН УзССР», 1947, № 3.

² А. Каримов, А. Пахратдинов, С. Ниетуллаев, «Жоқарғы» қарақалпақтар туралы жанға мағлұматтар, журн. «Аму-Дарья», Нокис, 1959, № 4.

³ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», М., 1928, т. VIII и XV.

⁴ Л. С. Толстова, Материалы по этнографии ферганских каракалпаков, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXI, 1954; ее же, Из истории ферганских каракалпаков, «Уч. зап. Кара-Калпакского пед. ин-та», вып. 1, Нукус, 1957; ее же, Каракалпаки Ферганской долины, Нукус, 1959.

⁵ Отряд работал в Булунгурском районе — в кишлаке Ак-Тепе-Митан (совхоз Булунгур-2), кишлаках Коянчи, Кара-Конграт, Жалгыз-Агач, Жан-Кораз, Жаман-Коянчи

О самаркандской группе каракалпаков имеются немногочисленные сведения в работах дореволюционных авторов⁶ и в ряде историко-этнографических и статистических обследований, проводившихся здесь в годы Советской власти⁷.

Прошлое узбек-каракалпаков (условимся так их называть) тесно связано с историей всего каракалпакского народа, от основной массы которого они отделились около 200 лет назад. В их хозяйстве, материальной культуре, пережитках родоплеменной структуры, в фольклоре прослеживается сходство с каракалпаками Хорезмского оазиса и Ферганской долины.

Исторические легенды всех каракалпаков очень близки. В кишлаке Жан-Кораз (колхоз им. Ленина Булунгурского р-на Самаркандской обл.) мы записали легенду об Ормамбет-бие — ногайском мирзе, правившем на Жайке (Урале) в конце XVI в., когда каракалпаки еще не выделились из состава Большой Ногайской орды⁸.

«Наши предки,— говорится в легенде,— раньше жили в Хорезме. Тогда их главой был Ормамбет-бий. У Ормамбет-бия сыновей не было, только была дочь. Когда Ормамбет-бий умер, бием стала его дочь. Народ думал: Ормамбет-бий умер, теперь наше дело будет плохо, и решил переселиться. Тогда дочь Ормамбет-бия вышла перед народом и сказала:

«Агайинлер, уклер,
Таныш емес елге барманьзлар
Қамчи тийер мойнына
Қан сорғалар қойнына,
Қайтыңызлар кейинге»

(Ой, братья, не ходите на чужую землю, вас будут бить плетью по шее, кровь потечет по груди, вернитесь назад).

После этих слов часть народа осталась, но некоторые уже успели уехать»⁹.

Вариант легенды об Ормамбет-бие (Урман-бие), в правление дочери которого каракалпаки переселяются с Едиля (Волги) и Жайка (Урала) в сторону Самарканда, Бухары и Ташкента, был записан Х.Т.Зарифовым в 1927 г. у каракалпаков Ферганской долины¹⁰. Хорезмские каракалпаки также поют об Ормамбет-бие:

(колхоз им. Ленина), кишлаках Беш-Бала и Караки (колхоз им. Сталина); в Джамбайском районе в совхозе Джамбай — в кишлаках Татар и Беш-Огыл (отделения Янгй-Юль) и кишлаке Кудукли (отделения им. Ворошилова).

⁶ В. В. Радлов, Средняя Зеравшанская долина, «Зап. Русского географического общества по отделению этнографии», т. VI, 1880; А. Д. Гребенкин, Узбеки, «Русский Туркестан», сборник, изданный по поводу политехнической выставки, вып. 2, М., 1872; А. П. Хорошкин, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876; Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, с приложением списка населенных мест округа, СПб., 1874; его же, Обзор доступов к Хивинскому ханству и краткие сведения о нем, «Военный сборник», 1873, № 5.

⁷ «Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике, ч. I. Поселенные итоги. Вып. V. Поселенные итоги Самаркандской области», Ташкент, 1924; И. И. Зарубин, Население Самаркандской области, его численность, этнографический состав и территориальное распределение, Л., 1926; «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. XV, Узбекская ССР, М., 1928; «Материалы по районированию Средней Азии, Территория и население Бухары и Хорезма», кн. I, Бухара, Ташкент, 1926.

⁸ См. Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IX, М. — Л., 1950, стр. 129—130.

⁹ Полевая запись автора 1960 г., № 14. Архив Кара-Калпакского филиала АН УзССР. Упоминание в легендах самаркандских узбек-каракалпаков о том, что Ормамбет-бий правил в Хорезме, это, по нашему мнению, уже дальнейшее переосмысление легенды по месту последнего обитания данной группы каракалпаков до их переселения в долину Зеравшана.

¹⁰ См. Л. С. Толстова, Каракалпаки Ферганской долины, стр. 24; е е же, Из истории ферганских каракалпаков, стр. 41—42.

«Ормамбет-бий Элгенде,
Он сан ноғай булгенде,
Ул қалмады қыз қалды
Қатынлары тул қалды».

(Когда умер Ормамбет-бий, когда были разорены десять санов¹¹ ногаев, сына не осталось, осталась только дочь, его жены остались вдовами.— Записано от участника нашей экспедиции Т. Бегжанова).

В фольклоре самаркандских каракалпаков мы сталкиваемся с легендарной землей предков каракалпаков — Жидели-Байсун, уже известной нам по легендам хорезмских и ферганских каракалпаков. Однако в Самаркандской области упоминание о Жидели-Байсун звучит несколько по-иному.

Информаторы рассказывали, что каракалпаки с Едилы переселились в Хорезм и на побережье Аральского моря, а оттуда, вследствие недостатка земель (пашен и пастбищ), одни — в долину Зеравшана (на территории современных Митанского¹² и Булунгурского районов), другие — в Жидели-Байсун, который этой группой каракалпаков четко локализуется в южной части Узбекистана (в Сурхан-Дарьинской области).

Между самаркандской группой каракалпаков и теми, которые оказались в районе Сурхан-Дарьи, поддерживались связи. По словам информаторов, их отцы говорили: «Байсунские каракалпаки до сих пор ждут нас туда»¹³.

Время поселения в долине Зеравшана узбек-каракалпаки определяют по-разному — от 5 поколений, т. е. 125 лет назад, до 250 лет¹⁴, т. е. с начала XVIII до второй четверти XIX в., что соответствует и письменным источникам: так, А. Д. Гребенкин писал, что переселение каракалпаков в долину Зеравшана было не единовременным и продолжалось до 40-х гг. XIX в.¹⁵

Основным местом расселения каракалпаков в средней части долины Зеравшана было пространство к востоку от Самарканда, между горами Гобдун-Тау и Зеравшаном. Об этом писали В. В. Радлов, А. Д. Гребенкин, А. П. Хорошхин¹⁶, это же подтвердилось и нашими обследованиями.

Во время переселения в долину Зеравшана значительную роль в хозяйстве каракалпаков, особенно богатых, играло скотоводство. Богатые выпасали свои стада у подножья гор Гобдун-Тау, бедные же поселились в низменных местностях, ближе к Зеравшану¹⁷. Информатор Як-

¹¹ Сан (букв. число) — административно-военная единица, равнявшаяся 10 000 хозяйств, которая существовала у Больших Ногаев в XVI в., а впоследствии у каракалпаков в XVII—XVIII вв. и в пережиточном виде сохранявшаяся и позже (см. Т. А. Жданко, Указ. раб., стр. 54, 56).

¹² Теперь Митанский район объединен с Иштыханским районом.

¹³ Полевые записи 1960 г., №№ 2, 14 и 15. Однако наше мнение о местонахождении родины предков каракалпаков Жидели-Байсуна в Приаралье, высказанное нами в указанных выше работах, мы пока не считаем нужным менять, так как это полностью соответствует историческим известиям о каракалпаках, имеющимся в литературе. По-видимому, первоначально название Жидели-Байсун относилось к Приаралью, а позже было перенесено на другое место. Однако неоднократные упоминания нашими информаторами о том, что в Сурхан-Дарьинской области есть группа каракалпаков (к настоящему времени слившаяся с узбеками), заслуживает большого внимания и требует проведения там полевого этнографического обследования.

¹⁴ Полевые записи 1960 г., №№ 1, 2, 14 и др.

¹⁵ А. Д. Гребенкин, Указ. раб., стр. 94—95. По сведениям Гребенкина, каракалпаки в долину Зеравшана переселялись из Хорезма через долину Сыр-Дарьи, Чиназ и Джизак; в записанных нами исторических легендах таких сведений нет; возможно, что пути переселения каракалпаков в долину Зеравшана были в разное время разными.

¹⁶ См. указанные выше работы.

¹⁷ А. Д. Гребенкин, Указ. раб., стр. 95—96, а также наши полевые записи 1960 г.

шимуратов из кишлака Ак-Тепе-Митан (совхоз Булунгур-2) сообщил, что во время переселения каракалпаков здесь было очень обводненное место: разливы Зеравшана занимали значительно большую территорию, чем теперь, повсюду были озера, камыши, заросли джынгыла, т. е. условия для земледелия были неблагоприятными. Но постепенно земли были осушены (этому способствовало также уменьшение разливов Зеравшана), проведены оросительные каналы, и роль земледелия стала возрастать¹⁸.

Из письменных источников известно, что самаркандские каракалпаки обратились к земледелию как основной отрасли хозяйства уже во время правления Шамурат-бия, в конце XVIII в. Особенно усилился переход к земледелию после разгрома бухарским эмиром Хайдаром восстания ктай-кыпчаков (1821—1825), в котором приняли участие и каракалпаки¹⁹. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции земледелие было основой хозяйства самаркандских каракалпаков; они возделывали пшеницу, ячмень, рис, просо, джугару, бахчевые культуры и др.; после присоединения к России некоторую роль в хозяйстве стало играть и хлопководство²⁰.

Подсобными отраслями хозяйства, особенно в более ранние времена, после переселения, были охота (на зайцев, уток, фазанов), рыболовство, изготовление чия (циновок для юрт) и ковровых изделий.

Таким образом, отрасли хозяйства самаркандских каракалпаков были те же, что и у хорезмских и ферганских, развитие их хозяйства шло в одинаковом направлении — от комплексного, в котором примерно равное значение имели земледелие, скотоводство, рыболовство и домашние промыслы, к земледелию как основной отрасли.

Особого внимания заслуживает ковроткачество самаркандских каракалпаков, которое до недавнего времени играло значительную роль в их хозяйстве²¹. Каракалпаки ткали ковры (глем), переметные сумы (хурджин, в них часто чередуются участки ворсовой и безворсовой ткани), паласы (алача), каршины и бокжама²².

В первое время после переселения в долину Зеравшана каракалпаки жили в юртах и примитивного типа камышовых постройках келе; в предгорьях бедняки, не имеющие юрт, рыли в склонах обрывов землянки (толе), где жили в чрезвычайно тяжелых условиях; иногда в том же помещении, за легкой загородкой, содержался и скот. И теперь еще можно видеть эти мрачные пещеры, которые в настоящее время иногда используются как хозяйственные помещения.

Каркасные дома постоянного типа — такие же, какие распространены у остального населения долины среднего Зеравшана, — стали строить значительно позже, около 100 лет назад²³.

Во времена Бухарского ханства каракалпаки селились за стенами курганчей (укрепленных усадеб), укрываясь там от постоянной военной опасности. Об этом имеются упоминания в литературе²⁴, об этом

¹⁸ Полевая запись 1960 г., № 2; см. также А. Д. Гребенкин, Указ. раб., стр. 96—97.

¹⁹ П. П. Иванов, Восстание ктай-кыпчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг. Труды Института востоковедения, XXVIII, М.—Л., 1937; А. Д. Гребенкин, Указ. раб., стр. 96.

²⁰ Полевая запись 1960 г., № 29. Но вообще район расселения самаркандских каракалпаков находился в стороне от центров хлопководства Самаркандской области.

²¹ См. об этом Т. А. Жданко, Народное орнаментальное искусство каракалпаков, Труды Хорезмской экспедиции, т. III, М., 1958, стр. 374—375, 391—392.

²² Каршин — мешок для одежды, который кладется на сундук; передняя сторона каршина — ковровая; бокжама — паласная ткань, в которую завертываются одеяла и подушки.

²³ Полевая запись 1960 г., № 2.

²⁴ А. Д. Гребенкин, Указ. раб., стр. 97.

же рассказывают информаторы. В Булунгурском районе, на территории колхоза им. Сталина (между кишлаками Беш-Бала и Кара-Кесак) нам показывали место, где еще несколько лет назад стояла курганча, постройку которой предания приписывают легендарной Жупар-кемпир²⁵. В стены крепости, сложенные из пахсы, жители, по преданию, вмазывали зерна проса, чтобы во время длительной осады и голода растирать в порошок куски стены и доставать оттуда эти зерна²⁶. Перед крепостью были пастбище и родник.

После присоединения в 1868 г. Самаркандской области к России прекратились внутренние междоусобицы и постоянные войны и отпала необходимость в крепостях.

В конце XIX — начале XX в. дома постоянного типа приобретали все большее значение в быту самаркандских каракалпаков, а юрты они стали использовать лишь как летние жилища. В качестве таковых юрты бытовали у них вплоть до 1930-х годов. Теперь юрт нет; напоминанием о них служат кое-где встречавшиеся нам паласы (алача), сшитые из узких орнаментированных полос «ак-кур», некогда употреблявшихся для укрепления частей юрты и ее украшения.

О старинной каракалпакской одежде сохранились лишь воспоминания. Пожилые женщины рассказывают, что во времена их молодости каракалпачки носили кимешек с вышивкой (причем кимешеки молодых были из красной материи, как и у хорезмских каракалпачек); вспоминают о том, что в старину ворот и нарукавники платьев были вышиты²⁷ (у хорезмских каракалпачек такие нарукавники назывались жент-се)²⁸; сохранились воспоминания и о том, что примерно 100 лет назад богатые невесты носили головной убор под названием саухилин²⁹ (сау-келе хорезмских каракалпаков).

Во время переселения в долину Зеравшана каракалпаки сохраняли еще родоплеменные деления. Анализ их названий представляет несомненный интерес как вспомогательный источник для установления родства зеравшанских каракалпаков с каракалпаками Хорезмского оазиса. Родоплеменные названия зеравшанских каракалпаков, еще и сейчас сохранившиеся в памяти стариков, в основном те же, что и у хорезмских и ферганских каракалпаков. Наиболее распространены были у зеравшанских каракалпаков родоплеменные подразделения конграт и муйтен (значительная часть узбек-каракалпаков Булунгурского района относилась в прошлом к этим подразделениям). Кроме того, информаторы называли нам такие родоплеменные группы, как ктай, кыпчак, кенегес, мангыт, кара-мойын, ачамайлы, балгалы, ыргаклы, кият и др. Все эти родоплеменные подразделения были важнейшими и у хорезмских каракалпаков. Наряду с этим распространено было родовое название уй-ручи (иручи), которое у хорезмских каракалпаков не встречается, но бытовало у каракалпаков Ферганской долины³⁰. Некоторые, менее значительные родоплеменные подразделения, бытовавшие у самаркандских

²⁵ Эта легенда представляет интерес для этнографа, так как в ней прослеживаются некоторые черты матриархата. По преданию, Жупар-кемпир была богатой и властной старухой, некогда владевшей значительной территорией и имевшей в этих местах свою крепость и обширные пастбища (Жупар-корык); у нее было 40 сыновей, и она сумела оказать влияние на самого бухарского хана (Полевая запись 1960 г., № 28). Легенда о Жупар-кемпир (или Жупар-мама) с ее 40 сыновьями известна и у хорезмских каракалпаков (см. Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 44—45), и у ферганских каракалпаков (полевые записи автора 1953—1954 гг.)

²⁶ Из полевого дневника автора от 14 мая 1960 г. Архив Кара-Калпакского филиала АН УзССР.

²⁷ Там же, 8 мая 1960 г.

²⁸ Т. А. Жданко, Каракалпаки Хорезмского оазиса, Труды Хорезмской экспедиции, т. I. М., 1952, стр. 564.

²⁹ Полевая запись 1960 г., № 37.

³⁰ См. Л. С. Толстова, Каракалпаки Ферганской долины, стр. 45.

каракалпаков, у хорезмских каракалпаков не встречались (ак-каун, беш-бала, кара-кесак и др.)³¹.

Что представляла собой родоплеменная структура зеравшанских каракалпаков в целом еще необходимо уточнить; в настоящее время родовые деления забываются, и не все может быть восстановлено. Однако о некоторых, более крупных родоплеменных подразделениях сохранились интересные подробности. Так, информаторы нам сообщили, что племя муйтен имело 12 подразделений, в числе которых были жуан-таяк, итак, абызлар, барракабак, татар-муйтен, байлар, парчалар³²; первые три подразделения встречаются и у муйтенов Хорезмского оазиса. При изучении былой родоплеменной структуры самаркандских каракалпаков полевые материалы должны быть дополнены данными письменных источников³³.

Родоплеменные группы каракалпаков селились прежде в долине Зеравшана отдельно друг от друга. Об этом говорят такие названия кишлаков, как Митан (Муйтен), Кара-Мойын, Ачамайлы, Чуйит и другие, повторяющие названия родоплеменных групп каракалпаков; и теперь здесь можно проследить пережитки расселения такими группами более четко, чем у ферганских каракалпаков³⁴.

Экзогамии (и даже воспоминаний о ней) у самаркандских каракалпаков не сохранилось, в противоположность каракалпакам Хорезмского оазиса.

Не имея возможности останавливаться здесь сколько-нибудь подробно на семейных отношениях, отметим лишь, что элементов затворничества женщины у самаркандских каракалпаков не существовало: женщины здесь лица не закрывали, в отличие от ферганских каракалпаков, испытывавших влияние соседнего оседлого узбекского (не имевшего родовых делений) населения³⁵.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции в общественном строе самаркандских каракалпаков сочетались элементы развивающегося капитализма с феодальными отношениями и патриархально-феодальными пережитками³⁶. Крупные баи, такие, как волостной управитель Кара-Калпакской волости Мулла Махмуд Расулбердиев, имевший 246 тапанов земли³⁷, владели огромными земельными участками, большими стадами, имели небольшие промышленные предприятия (кирпичные заводы, маслобойни), их земли обрабатывали издольщики (чиракар) и батраки (навша, жетим); во время уборочной страды нанимали также поденщиков (кунликчи); байские стада пасли наемные пастухи; широко бытовали различные формы ростовщического

³¹ Из полевого дневника 1960 г.

³² Полевые записи 1960 г., №№ 1, 2 и др.

³³ А. Д. Гребенкин, Указ. раб., стр. 99; см. также В. В. Радлов, Указ. раб., стр. 63.

³⁴ Расселение ферганских каракалпаков родоплеменными группами было нарушено еще задолго до Октябрьской революции в связи с более быстрым развитием здесь капиталистических отношений, обусловливаемых в значительной степени развитием хлопководства. В Самаркандской области, где было более развито зерновое хозяйство, капиталистические отношения развивались медленнее и пережитки патриархально-феодальных отношений сохранялись дольше.

³⁵ См. Л. С. Толстова, Каракалпаки Ферганской долины, стр. 112.

³⁶ Об этом свидетельствуют обнаруженные в Кара-Калпакском государственном историческом архиве интересные материалы о проведении в 1926 г. земельно-водной реформы в Кара-Калпакской волости Самаркандского уезда; они ярко характеризуют и социально-экономические отношения, сложившиеся там накануне Октябрьской революции; об этом же свидетельствуют и рассказы стариков-информаторов.

³⁷ Мы побывали в бывшем центре Кара-Калпакской волости — кишлаке Беш-Бала (ныне входящем в колхоз им. Сталина Булунгурского района Самаркандской обл.), где люди старшего поколения еще хорошо помнят, какой тяжелой эксплуатацией подвергались они до Октябрьской революции со стороны Расулбердиева.

Рис. 1. Жилой дом в кишлаке Ак-Тепе-Митан Булунгурского района Самаркандской обл.

кредита, приводившие к разорению бедняков. Некоторые формы эксплуатации были завуалированы отношениями родства — «помощи», которую якобы оказывал бай своему обедневшему сородичу³⁸.

Многие наши информаторы, прежние бедняки, в юности работавшие на баев, сами были активными борцами за установление Советской власти, участвовали в борьбе с басмачами, проведении земельно-водной реформы и создании первых колхозов.

Великая Октябрьская социалистическая революция и победа социализма в СССР внесли коренные изменения в жизнь и быт народов Средней Азии, обеспечили их национальное возрождение, способствовали дальнейшему прогрессивному национальному развитию. В Булунгурском и Джамбайском районах, как и повсеместно, созданы крупные многоотраслевые высокомеханизированные колхозы и совхозы.

Основным занятием узбек-каракалпаков, как и всего населения, живущего в долине р. Зеравшана в пределах Самаркандской и Бухарской областей, является хлопководство. Наряду с хлопком возделывают также зерновые и огородные культуры. В колхозах и совхозах имеются фермы крупного рогатого скота, овец и лошадей, птицефермы; развито и шелководство. Новая техника — тракторы, хлопкоуборочные и другие сельскохозяйственные машины изменили и облегчили труд. Неизмеримо поднялся уровень материального благосостояния и культуры трудящихся.

Вся жизнь узбек-каракалпаков, их общественная и трудовая деятельность проходили в братской среде узбекского народа, что способствовало слиянию их с узбеками. В настоящее время слово «каракалпак» у них сохранилось лишь как племенное в прошлом название.

Материальная культура узбек-каракалпаков теперь мало отличается от узбекской. Все кишлаки, в которых нам удалось побывать, невелики (обычно домов 20—25). Застройка свободная, в старых кишлаках редко соблюдается уличная планировка. Усадьбы, как правило, не огорожены, изредка огорожены невысокой пахсовой стеной или изгородью из кустарника. Дома построены из сырцового кирпича, иногда каркасные; крыши односкатные или плоско-двускатные (рис. 1). Ориентация

³⁸ Такой формой был, например, пайда-шерик, при котором бедняк на деньги бая покупал овец, в течение года пас их, откармливал, а затем продавал с прибылью; основная часть прибыли шла баю, беднякам же доставалась мизерная доля.

домов обычно на юг. Перед фасадом часто бывает айван. Комнаты в большинстве случаев вытянуты в одну линию, но часто встречается и планировка с коридором между двумя жилыми комнатами. Иногда дома имеют второй этаж, где находится небольшая комната — «балахона». Полы почти повсеместно деревянные; в ряде кишлаков большую часть комнаты занимает деревянный помост, только у входа имеется углубление, куда ставят обувь. Отапливаются дома печами, но в кухнях для приготовления пищи имеется очаг, который, как и в Ферганской долине, носит название «мори»; для выхода дыма служат небольшие отверстия в стене кухни. Хлебная печь — тандыр находится во дворе; форма тандыра такая же, как и у всего населения долины Зеравшана; отверстие расположено не вверху, как в Хорезме, и не сбоку, как в Фергане, а наклонно (рис. 2).

В убранстве жилища, наряду с широким распространением городской мебели, имеется и много предметов, характерных, для традиционного быта местного населения: полы застланы паласами (алача) — иногда фабричного производства, но чаще домотканными; ковры, паласы и мелкие ковровые изделия и в настоящее время широко бытуют в домах узбек-каракалпачков Булунгурского района. Узоры ковровых изделий самаркандских узбек-каракалпачков представляют несомненный интерес для искусствоведов. Некоторые из этих узоров очень близки к орнаментам ковровых изделий аму-дарьинских каракалпачков. В нишах, часто встречающихся (хотя и не так повсеместно, как в домах ферганских каракалпачков), стоят сундуки со сложенными на них подушками и одеялами. Обычно это современной выделки, обитые кусочками цветной жести сундуки, купленные на базаре, но в колхозе им. Ленина мы во многих домах встречали старинные деревянные сундуки, украшенные резьбой; вообще в кишлаках этого колхоза сохранилось больше черт, по-видимому, свойственных в прошлом данной этнографической группе. Во дворе (часто под навесом) стоит обычный предмет традиционной мебелировки — деревянный топчан (карабат), на котором члены семьи проводят много времени летом. Посуда бытует и городская, и местная (ступа «кели» и пест «келисап», маслoбойка «ку-вы», деревянная ложка «кашук», плетеная ложка для лапши «шолпы» и др.).

Молодые мужчины носят обычно одежду городского покроя, иногда дополняя ее тюбетейкой чустского типа (рис. 3). Одежда же стариков и женщин, особенно старшего возраста, сохраняет много узбекских национальных особенностей. Старики поверх белья национального покроя надевают распашную легкую одежду до колен «яхтак» из серой или цветной ткани, а сверх него — стеганный темный халат «чапан», подпоясанный платком «бельбеу»; на голове поверх тюбетейки повязывают чалму «салле», чаще из голубой или белой ткани, причем концы чалмы свешиваются с левой стороны (рис. 4); на ногах старики носят мягкие кожаные сапоги «маси» и калоши.

Рис. 2. Тандыр у узбек-каракалпачков (кишлак Кара-Конграт Булунгурского района)

Рис. 3. Узбек-каракалпаки в современной одежде (кишлак Ак-Тепе-Митан Булунгурского района)

равшана осталось немного. Можно, пожалуй, отметить еще некоторую разницу в убранстве домов⁴⁰, но в целом материальная культура узбек-каракалпаков та же, что и у узбекского населения, принадлежавшего к другим родоплеменным группам. Это еще раз показывает, что стирание бывших племенных различий в процессе консолидации узбекской социалистической нации идет довольно быстро⁴¹.

Что касается языка, то «каракалпакско-узбекский диалект каракалпаков, проживающих в Ферганской долине и в долине Зеравшана»⁴², представляет в настоящее время довольно сложную картину; в нем сочетаются элементы каракалпакского и узбекского языков, причем при сопоставлении говора узбек-каракалпаков долины Зеравшана с литературным каракалпакским языком обнаруживается значительное сходство в лексике (и соответственно — отличия от других узбекских

Молодые женщины и девушки носят общераспространенные в Узбекистане платья на короткой кокетке «кокрек бурме», безрукавки «кокрекче», короткие камзолы, а нередко костюмы и пальто городского типа; у сельского населения еще широко бытуют длинные женские штаны; молодые носят обычно городские туфли, но на низких каблуках; голову повязывают платком, сложенным по диагонали. Пожилые женщины поверх платьев (часто белых) надевают более длинную, чем у молодых, безрукавку «калтече» и халат «чапан»; голову покрывают белым платком, причем иногда под подбородком повязывается кусок марли, который называют здесь кимачак³⁹. В формах женских головных уборов еще прослеживается разница между представительницами различных этнографических (в прошлом племенных) групп.

Но таких различий, в материальной культуре разных этнографических групп долины среднего Зе-

³⁹ У хорезмских каракалпаков название «кимешек» относилось к более сложному головному убору, типа капюшона, с отверстием для лица. Кусок ткани, свешивающийся под подбородком, в прошлом был распространен в большинстве районов Узбекистана и в ряде других мест Средней Азии и носил обычно название «лачак». См. О. А. Сухарева, Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXII, М., 1954, стр. 305—306. Здесь О. А. Сухарева отмечает единство происхождения лачака и кимешека (более сложный кимешек развился из куска ткани типа лачака, стр. 306). По-видимому, самаркандские узбек-каракалпаки, утратив национальный головной убор — кимешек, заменили его общераспространенным в Узбекистане лачаком; но и лачак теперь носят лишь очень немногие.

⁴⁰ В домах узбек-каракалпаков, например, редки длинноворсовые ковры «джулхырсы». Тканьем джулхырсов каракалпаки не занимались, в отличие от своих соседей — узбеков-туякы.

⁴¹ Возможно, что дальнейшее этнографическое изучение позволит выявить некоторые другие различия в деталях материальной культуры узбек-каракалпаков и узбеков, принадлежавших в прошлом к другим родоплеменным группам, но это общих выводов не изменит, так как тенденция развития культуры узбек-каракалпаков и сейчас выявляется достаточно ясно.

⁴² В. В. Решетов, Указ. раб., стр. 18.

Рис. 4. Старики-каракалпаки в традиционной одежде

говоров). Например, если узбек-каракалпаки употребляют такие слова, как *ини* (младший брат), *апа* (мать), *не* (что), как это принято и в литературном каракалпакском языке, то соседние узбеки (относившиеся в прошлом к племени юз-туяклы), употребляют вместо этих слов *уке*, *ене*, *нима*.

Наблюдается сходство между говором узбек-каракалпаков и каракалпакским литературным языком и в области фонетики: этот говор относится к числу жокающих (как, впрочем, и многие другие говоры узбеков долины Зеравшана); узбек-каракалпаки в начале слова перед звуком *а* часто добавляют *х*, т. е. произносят *хаял*, *хайван*, как это наблюдается и в литературном каракалпакском языке и чего нет, например, у соседних узбеков-юзов. Однако во многих других случаях наблюдаются и различия в произношении узбек-каракалпаков Самаркандской области и каракалпаков Хорезмского оазиса. В отношении морфологии говор узбек-каракалпаков в настоящее время ближе к узбекскому литературному языку, чем к каракалпакскому.

В прошлом население здесь было очень пестрым и в этнографическом, и в лингвистическом отношении. Об этом говорит хотя бы такой факт, что говор узбек-каракалпаков, в прошлом относившихся к роду муйтен, отличается от говора других зеравшанских узбек-каракалпаков и, напротив, приближается к говору каракалпаков-муйтенов, живущих на территории Кара-Калпакской АССР. Так, в ряде случаев вместо фонемы *л* они употребляют *н*, например, вместо *мылтык* (ружье) они говорят *мынтык*, вместо *маңглай* (лоб) — *маңгнай* и т. д.⁴³

Теперь, с образованием узбекской социалистической нации и окончательным сложением узбекского литературного языка, эта пестрота постепенно сглаживается.

Итак, самаркандские узбек-каракалпаки до XVII—XVIII вв. были связаны с основной массой каракалпакского народа. Об этом свидетельствуют данные письменных источников и фольклора, анализ хозяйства, материальной культуры, родоплеменной структуры, языка.

⁴³ Наблюдение Т. Бегжанова.

В настоящее время, хотя работа среди узбек-каракалпаков только начата и многие вопросы не выяснены, направление их этнического развития определилось достаточно ясно: самаркандские узбек-каракалпаки вошли в состав узбекской социалистической нации, сохранив лишь воспоминания об общем с каракалпаками происхождении и некоторые особенности языка.

SUMMARY

Beyond the boundaries of the Kara-Kalpak Autonomous Republic, in certain regions of Uzbekistan and Kazakhstan, there dwell small groups of Kara-Kalpaks, which but recently lost their national awareness. Among them are the Kara-Kalpaks of Samarkand Region (Uzbek Kara-Kalpaks). Their past history is connected with the history of the entire Kara-Kalpak people, from whose main body they broke apart some 200 years ago.

Their economy, material culture, remnants of tribal organization and folklore, have traces of affinity with the Kara-Kalpaks of the Khwarizm oasis and the Ferghana valley.

At present the trend of the ethnic development of the Uzbek Kara-Kalpaks of Samarkand Region has made itself clearly manifest: they have become part of the Uzbek socialist nation, retaining only reminiscences of their origin, common to all Kara-Kalpaks, and certain linguistic features.

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

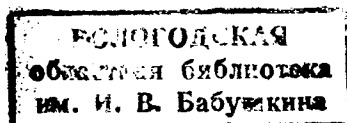
ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

Март — Апрель

1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Л. С. Толстова

ДРЕВНИЕ МОТИВЫ В ФОЛЬКЛОРЕ УЗБЕКОВ ЮЖНОГО ХОРЕЗМА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Население Хорезмского оазиса (узбеки, туркмены, каракалпаки) весьма сложно по своему этническому происхождению. Складываясь в течение многих столетий, оно впитало в себя (в различных пропорциях) самые разнообразные компоненты (от едва прослеживаемых элементов, тяготеющих к странам Переднего Востока в древности, через уже значительно более ощутимые слои древнего и раннесредневекового восточноиранского мира, к средневековым тюркоязычным кочевникам и полукочевникам — огузам, печенегам, кыпчакам, ногаям). Все эти разновременные составные слагаемые оставили свои следы в культуре народов Хорезма, изучение которых помогает заполнять белые пятна, еще остающиеся в сложных проблемах происхождения, этнической истории и этнокультурных связей населения Хорезма. Одним из важных источников такого рода исследований является исторический фольклор.

Исторический фольклор узбеков Хорезма богат и разнообразен. Территорию древнего Хорезма поистине можно назвать страной легенд. Бытует множество легенд, связанных с теми или иными городами, урочищами, крепостями (такими как Куля-Ургенч, Хазарасп, Хива, многочисленные развалины крепостей Хорезмского оазиса). Ряд легенд посвящен великой водной магистрали и источнику жизни Хорезма — Амударье (до сих пор рассказывают, что Амударья прежде впадала в Каспий; о смене течения реки в связи со злой волей человека повествует широко известная в народе легенда о Тюрабек-ханым и Султане Санджаре). В фольклоре узбеков, туркмен, каракалпаков встречаются мотивы, которые являются далекими отзвуками ярких проявлений матриархата у их сако-массагетских предков. За образами влиятельной правительницы Хорезма Тюрабек-ханым и каракалпакской эпической героини Гулайым стоят образы массагетской царицы Томирис и сакской Зарины. Упоминания о правлении женщин часто встречаются в легендах узбеков, каракалпаков, туркмен Хорезма. «И это время вновь вернется, когда женщины будут править миром», — этот мотив доныне звучит в туркменском фольклоре¹, перекликаясь с концовкой «Сказки о женском ханстве»², записанной 100 лет назад Н. Каразиным у чимбайских каракалпаков.

Многие стороны самобытного и яркого фольклора узбеков Хорезма подвергались детальному анализу такими исследователями, как С. П. Толстов, Г. П. Снесарев, Ю. В. Кнорозов, Я. Г. Гулямов³ и др.,

¹ Полевые записи автора, 1971 г., № 15.

² Н. Каразин, Сказка о женском ханстве, «Древняя и новая Россия», т. III, СПб., 1875.

³ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948; его же, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962; Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков

в аспекте проводимых ими историко-этнографических исследований. Эти ученые дали глубокую интерпретацию ряда легенд, установили их аналогии с фольклорно-религиозными сюжетами, имеющими истоки в далекой древности — у предков современного населения Хорезма и народов, этнически и культурно связанных с ними. Прежде всего надо отметить вышедшую в 1969 г. книгу Г. П. Снесарева «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма», где использован богатейший фольклорный материал, в частности, исторические легенды.

Перед нами, в ходе исследования этнокультурных связей народов Арало-Каспийского региона, стояла задача ознакомиться с историческим фольклором узбеков южного Хорезма, выявить степень распространенности здесь тех или иных сюжетов, а также на основании историко-фольклорных материалов проследить линии этнических связей — как в самом содержании исторических легенд (сюжеты об исходных пунктах, причинах и путях переселений предков данной группы населения; генеалогические сказания о родственных связях с другими народами и др.), так и в распространенности здесь фольклорных сюжетов, входящих в круг того или иного этнокультурного комплекса. Последнее свидетельствует об этнической преемственности культурного достояния и при смене языка его носителей.

Работа по сбору историко-фольклорных материалов проводилась нами (в составе Бухарско-Хивинского этнографического отряда) в городах Хиве, Хазараспе, Ургенче, в Гурленском (колхозы Ленинград, им. Кирова, Коммуна), Шаватском (колхозы Правда, Москва, Ленинград, им. Кирова), Хазараспском (колхоз им. Ленина) и Багатском (колхоз им. Кирова) р-нах Хорезмской обл. Узбекской ССР и в городе Куны-Ургенче и колхозе Кызыл-Юлдуз Куны-Ургенчского р-на Туркменской ССР, прежде всего среди узбеков без родовых делений, носивших в прошлом название «сарты» (они являются наиболее прямыми потомками древних хорезмийцев), а также среди узбеков-митанов (Багатский р-н), узбеков-найманов и некоторых других групп.

Насыщенность фольклора узбеков Хорезма сюжетами, восходящими к Авесте, священной книге зороастрийской религии, и монументальной эпопее Шахнаме, в которой гениальному Фирдоуси удалось обобщить эпическое наследие предков современного населения Средней Азии и Ирана, развитие на местной почве сюжетов восточноиранских преданий — наиболее общее впечатление от фольклора узбеков Хорезма. Повсюду известно имя эпического героя Шахнаме Феридуна (в местном произношении Перидуна). Нами записаны легенды, которые являются эпизодами иранского эпоса, такие как наречение имени сыновьям Феридуна и раздел земель между ними. Последняя легенда связана с родословными: к сыну Феридуна (авест. Трэтона) *Туру* (авест. Турйа) возводятся население эпического *Турана*, областей к северу от Амударьи, заселенного в древности восточноиранскими кочевниками — саками, массагетами (с которыми прежде и ассоциировалось понятие туранцы); позже под населением Турана стало подразумеваться кочевое и полукошачье тюркоязычное население, живущее по нижней и средней Сырдарье и в междуречье Сырдарьи и Амударьи⁴. Современное население связы-

Хорезма, М., 1969; его же, Три хорезмийские легенды в свете демонологических представлений, «Сов. этнография», 1973, № 1; Ю. В. Кнорозов, Мазар Шамун-наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса), «Сов. этнография», 1949, № 2; Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957; Ю. А. Рапопорт, Из истории религии древнего Хорезма, М., 1971; Р. Л. Садоков, Музыкальная культура древнего Хорезма, М., 1970; его же, Тысяча осколков золотого саза, М., 1971.

⁴ См. об этом: J. Marquart, *Eränšahr nach der Geographie des Pseudo Moses Chorenaci*, «Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen Philol.-hist. Klasse», Neue Folge, Bd. III, 1901, S. 155—157; К. А. Иностранцев, О домусиль-

вает слово *Туран* с *турк, Туркестан*. «Казахи и узбеки, живущие в стороне Туркестана,— потомки Тура»,— сообщал нам информатор⁵. К сыну же Феридуна Ираджу возводится население Ирана.

Широко бытует легенда о прорытии Феридуном одного из русел (или современного русла) Амударьи (*Бельканди Перидун*)⁶. Рассказывают о Феридуне и Заххаке (легендарном царе-деспоте Ирана, на плечах которого росли две змеи, требовавшие ежедневно человеческих жертв). Почитание в прошлом короли объясняется тем, что именно это животное вскормило Феридуна, освободившего земли от тирании Заххака.

Не только среди узбеков, но и среди каракалпаков имеет хождение легенда о том, что в прошлом человека испытывали огнем (испытуемого, по словам информаторов, ставили среди 40 арб саксаула, которые затем зажигали. Невинновный благополучно выходил из огня). В основе этой легенды лежит сюжет об испытании огнем *Сиявуша*, один из центральных эпизодов эпоса «Шахнаме». В некоторых вариантах легенды называется и само имя Сиявуша.

Широко известны в Хорезме имя главного героя эпопеи «Шахнаме» Рустама, его коня Рахша; таких персонажей как Йемшид (Джемшид, авест. Йима), один из первых людей иранского эпоса, Нариман, Сам, Зализар (предки Рустама) и др.

Эти сюжеты до известной степени идут, конечно, от книжной традиции, но некоторые из них, в силу своей безусловной местной специфики, видимо, издавна жили в крае⁷, восходя непосредственно к фольклору обитавших здесь прежде народов восточноиранской группы, однако, несомненно, подвергшись в течение веков значительной переработке.

В связи с этим любопытно мнение некоторых информаторов о том, что «Шахнаме» — это книга по истории Хорезма⁸. Здесь мы встречаемся с отголоском восходящей к древности традиции (она дошла до нас в трудах Бируни⁹), помещающей действия Сиявуша в Хорезме. Традиция эта жила и позже. Еще в XIX в. персидский посол Риза-Кули-хан записал предание о происхождении названия Хорезм, связанное с легендарной битвой между мстителем за Сиявуша Кей-Хосровом и его дедом — убийцей Афрасиабом¹⁰.

Древние мотивы, восходящие к Авесте и Шахнаме, содержит легенда, записанная у хорезмских узбеков-митанов (Багатский р-н Хорезмской области), об их предке Тамине (или Тамиме), странствовавшем на пери (вариант — дау; местные демонологические персонажи). Нами было проведено обследование этой интереснейшей реликтовой этнографической группы митан — связанных единством ранних этапов этногенеза каракалпаков-мюитенов Хорезма и узбеков-митанов долины Зеравшана, чьи исходные компоненты ведут далеко в глубь веков, на юг и юго-запад, что, как кажется, нам удалось доказать в ряде статей¹¹. Однако «мюитенская проблема», если так можно выразиться, далеко не исчерпана. Появляются все новые и новые аспекты ее изучения и трактовки. Сам этноним митан, как показывают последние исследования, вводит нас в самый сложный круг вопросов происхождения и расселения индоевро-

манской культуре Хорезмского оазиса; «Журнал Министерства народного просвещения», нов. серия, ч. XXXI, февр. 1911; И. С. Брагинский, Из истории таджикской народной поэзии, М., 1956, стр. 83.

⁵ Полевые записи автора 1971 г., № 5.

⁶ Подробный разбор и интерпретация этой легенды приводится в работе Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма», стр. 32—33, 68—69.

⁷ Об этом также см.: Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, стр. 283.

⁸ Полевые записи автора, 1971 г., № 26.

⁹ Абурейхан Бируни, Избранные произведения, т. I, — «Памятники минувших поколений», Ташкент, 1957, стр. 47.

¹⁰ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 203.

¹¹ Обобщение материала см.: Л. С. Толстова, Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков, «Сов. этнография», 1971, № 2.

пейцев, на чем в этой короткой статье мы останавливаться не можем. Во время же экспедиции 1971 г., наряду с изучением фольклора узбеков без родовых делений, попутно была обследована ранее неизвестная небольшая группа узбеков-митанов, переселившаяся 200 лет назад из северной Каракалпакии в район Хазараспа и ныне вошедшая в состав узбекской социалистической нации. Легенда об их предке Тамине, зафиксированная нами прежде у каракалпаков-мюитенов низовьев Амударьи, может даже служить этническим определителем этой небольшой группы¹², так как лишь мюитены рассказывают эту легенду¹³.

Можно проследить явную аналогию между легендарным предком мюитенов *Тамином*, совершавшим длительные путешествия на пери (или дау) и *Тахма (Тахмурасом)*, одним из первых легендарных пешдо-дитских царей Ирана, оседлавшим *Аримана* (Ангро-Майню Авесты)¹⁴, или, что еще более интересно, первочеловеком древнеиранских мифов *Гаюмарсом*. Хорезмийский ученый XI в. Абурейхан Бируни в своих «Памятниках минувших поколений» писал: «Гаюмарс одолел Ахримана, и сел на него верхом, и стал разъезжать на нем по миру»¹⁵. Сходство проявляется также в том, что пери (дау, а в древнейшем варианте Аримана), покорил (оседлал) и странствовал на нем по миру в одном случае *прародитель* иранцев Гаюмарс, в другом — предок, *прародитель* мюитенов Тамин. Борьба Тамина со скованным цепями «нечистым» в горах Кап-Тау¹⁶ — мусульманизированный отголосок восточноиранских преданий о царе-деспоте Заххаке (Ажи-Дахака Авесты), прикованном Феридуном цепями к горе Демавенд¹⁷. Здесь следует также обратить внимание на то, что в фольклоре и космогонических представлениях, с одной стороны, древних и раннесредневековых иранцев, с другой — поздних тюркоязычных насельников Средней Азии и окружающих степей (вплоть до сложившихся уже в народности каракалпаков и башкир) обнаруживаются любопытные аналогии, связанные с определенными горными системами — бросается в глаза большая роль в этих представлениях горных систем Кавказа и северо-запада Ирана. Так, *Кап-Тау* — горы, по мусульманской космогонии, окружавшие мир; так же назывались горы *Кавказа* и *севера Ирана* (у каракалпаков Кап-Тау, с которыми связаны многие легенды и исторические предания, — Кавказские горы; у башкир — Каф-Тау — горы, находящиеся на краю света); *Демавенд* — высочайшая вершина в горах Эльбурса, с которой связаны многие древнеиранские сказания; *Эльбурс* — горная система в северо-западном Иране, по южному побережью Каспийского моря; по Бундахшну, горный кряж *Альборз* (по Авесте — горы Харати) — *расположен вокруг мира*¹⁸. Это то же самое представление, которое, по мусульманской кос-

¹² Подобным же образом легенды о «земле предков Жийдели-Байсыне» и о старухе — главе рода — Жупар-кемпир в Нуратинском районе Самаркандской области служили одним из этнических признаков, выделяющих группу узбеков-каракалпаков среди других групп населения (об этих легендах см.: Л. С. Толстова, Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX вв., Нукус — Ташкент, 1963, стр. 178—182, 187—189).

¹³ Г. П. Снесаревым около г. Бируни была отмечена очень интересная небольшая группа «еретиков», прославлявших величие доисламского Хорезма; в их верованиях и обычаях сохранилось много домусульманских черт. У них записано следующее поверье, перекликающееся с мюитенскими легендами о Тамине: «Можно завладеть шайтаном. Для этого надо схватить его одной рукой за шею, а другой за хвост... Надо вскочить на него верхом, он поднимет тебя и понесет, куда ты захочешь» (Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, стр. 33—34).

¹⁴ Авеста, Яшт, XIX, 27—29.

¹⁵ Абурейхан Бируни, Указ. раб., т. I, стр. 109; Г. П. Снесарев также сопоставляет зафиксированные им поверья еретиков из-под г. Бируни с древнеиранскими фольклорно-религиозными мотивами о Тахмурасе и Гаюмарсе (Г. П. Снесарев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, стр. 34).

¹⁶ Фирдоуси, Шахнаме, т. I, М., 1957, Комментарии, стр. 640.

¹⁷ Там же, стр. 80.

¹⁸ Фирдоуси, Шахнаме, т. I, Комментарии, стр. 613; И. С. Брагинский, Указ. раб., стр. 102.

могонию, относится к горам Кап-Тау, с аналогичной или близкой локализацией реальных прототипов этих легендарных горных систем.

Легенда о Тамине содержит также другие интересные моменты, восходящие к древним сюжетам (мотив возвращения мужа в день свадьбы своей жены — широко распространенный «бродячий сюжет»; упоминание такого мифологического персонажа, как «хозяин воды», явно связанного с доисламской демонологией; элементы народных генеалогических представлений и т. д.). Все это особенно важно в связи с тем, что легенда эта является достоянием этнической группы, восходящей к наиболее раннему населению Хорезмского оазиса¹⁹.

В самом содержании исторических легенд также прослеживаются мотивы переселений из Ирана, мотивы генеалогических связей узбеков южного Хорезма — потомков древних хорезмийцев — с иранцами. Наиболее интересны в связи с вопросами этногенетическими и этнокультурными связями древних насельников Хорезма легенды о первоначальном заселении Хорезма. Немало таких легенд имеет хождение по оазису. Значение слова *Хорезм* информаторы объясняют так: это *обширная, благодатная, незаселенная земля или земля, бывшая бесплодной, но достигшая процветания, расцвета* (с иранского)²⁰. Напомним, что близкое к «народной этимологии» толкование давали в прошлом некоторые исследователи — «плодородная земля» (Хари-зем — букв. «земля, дающая есть» (Бюрнуф, Захау, Гейгер²¹); или, напротив, «плохая, неплодородная земля» (Юсти, Шпигель)²².

До сих пор в оазисе рассказывают дошедшую из древности легенду о том, что первыми поселенцами здесь были пришельцы-изгнанники с юга, из Ирана. Легенда эта живет среди населения многие века. Наиболее ранний ее вариант известен из сообщения Макдиси (X в.): «В древности царь Востока разгневался на 400 человек из своего государства, из приближенных слуг (своих), и велел отвести их в место, отдаленное от населенных пунктов на 100 фарсахов..., а таким оказалось место (где теперь город) Кас. Когда прошло долгое время, царь послал людей, чтобы они сообщили ему об изгнанниках. Прийдя к последним, посланные увидели, что они живы, построили себе шалаши, ловят рыбу и питаются ею, располагают большим количеством дров. Когда они вернулись к царю и сообщили ему об этом, он спросил: «Как они называют мясо?» Те ответили: «хор» (или «хвар»). Он спросил: «А дрова?» Они ответили: «разм». Он сказал: «Так я утверждаю за ними эту местность и даю ей название Хорезм (Хваразм)». Он велел отвести к ним 400 девушек-тюрчанок, и до сих пор у них осталось сходство с тюрками»²³. Позже эта легенда фигурировала в трудах Якута (XIII в.), Казвини (XIII—XIV вв.) и более поздних авторов.

Во фрагментах эта же легенда об изгнанниках была записана нами у узбеков-митанов средней долины Зеравшана²⁴ и — в совершенно де-

¹⁹ Здесь мы имеем в виду нижнеамударьинских мюйтонов в целом, восходящих, как мы показывали в вышеназванной статье, к древнейшему населению Хорезма. Внутри оазиса, естественно, происходили перемещения отдельных групп населения, в том числе и мюйтонов. Так, хазараспская группа мюйтонов прежде жила на севере, в Каракалпакии.

²⁰ Толкования каждой составной части слова информаторы уже не дают; это они забыли.

²¹ См.: «Commentaire sur la Façade par Eugène Burnouf», Paris, 1833, «Notes et éclaircissements CVIII»; Ed. Sachau, Zur Geschichte und Chronologie von Khwarizm, «SWAW, Phil.-hist. Cl», LXXIII, 1—3, Wien, 1873, S. 473, 474.

²² «Erânische Alterthumskunde von Fr. Spiegel», Leipzig, 1871. Существуют и иные варианты легенд о происхождении названия Хорезм, например, легенда, производящая это название от имени богатыря Хорезма, дающая важный материал для изучения пережитков доисламских верований.

²³ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1939, стр. 185 и сл.

²⁴ Л. С. Толстова, Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков, стр. 33—34.

формированном виде — у каракалпаков-мюитенов низовьев Амударьи, вызвав наш особый интерес в связи с изучением вопроса о происхождении мюитенов. У узбеков южного Хорезма легенда эта живет и поныне: в 50-х годах ее варианты были записаны Г. П. Снесаревым, в 1971 г. — нами (у узбеков Гурлена и Хазараспа)²⁵.

Интересно сопоставление этой древней хорезмийской легенды об изгнанниках с другой легендой, приводимой Бируни (XI в.), — об основании первой хорезмийской династии пришедшим с юга Сиявушем и его сыном Кей-Хосровом²⁶. Сиявуш, широко распространенный персонаж в культовых представлениях домусульманского Хорезма, по эпическим представлениям древних иранцев, — выходец из династии Кайанидов (сын Кей Кауса — Кавай Усана Авесты), а Кайаниды, по восточноиранской эпической традиции, правила в Бактрии, в Балхе²⁷.

В связи с этим следует напомнить гипотезы некоторых ученых (А. Кристенсена, М. М. Дьяконова, С. П. Толстова), что за полуполюгендарными Кайанидами Авесты стоят реальные цари, правившие в Бактрии в доакхеменидский период (IX—VII вв. до н. э.)²⁸. Существуют и иные гипотезы о локализации места правления Кайанидов. Так, И. М. Дьяконов в статье «Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса)» выдвигает гипотезу, что родиной династии Кайанидов (Кавианидов) является Дрангиана (Сеистан, точнее Заболистан)²⁹. Однако, несмотря на ряд убедительных аргументов, приводимых И. М. Дьяконовым, его точка зрения все же остается лишь одной из гипотез, между тем как народная традиция (это отмечается и в статье) упорно утверждает, что Кайаниды правили именно в Бактрии (чему И. М. Дьяконов не находит достаточно убедительных объяснений, считая это одной из неразрешенных еще загадок истории).

Чрезвычайно показательны в связи с этим также то, что легенды потомков древнейших обитателей Хорезмского оазиса мюитенов говорят о том, что в их роду были «цари Балха и Бадахшана»³⁰.

В мифологии и героическом эпосе древние народы переживали еще раз свою историю. В историческом фольклоре в обобщенно-фантастической форме нашли отражение исторические судьбы древних восточноиранских народностей. Эти фольклорные мотивы дошли до нас из глубины веков в фольклоре их далеких потомков — узбеков южного Хорезма и мюитенов (этнографической группы в составе каракалпаков и узбеков).

Подытожим сопоставления:

а) *Царь Востока* (а *Бактрия* по отношению к Хорезму — *юго-восток*)³¹ изгнал 400 чел. в отдаленное пустынное место (Хорезм был весьма отдален от земледельческих центров юга Средней Азии и Ирана и от-

²⁵ Легенды об основании Хорезма и о пришельцах-изгнанниках в ряде случаев переплетаются с легендами о смене русел Амударьи, о прорытии одного из русел Амударьи Феридунгом.

²⁶ Абурейхан Бируни, Указ. раб., т. I, стр. 47.

²⁷ Там же, стр. 103; Фирдоуси, Шахнаме, т. I, стр. 327, и сл., Комментарии, стр. 635 и сл.; И. С. Брагинский, Указ. раб., стр. 136, 150, 281 и др.

²⁸ A. Christensen, Les Kayanides, København, 1931; М. М. Дьяконов, Очерк истории древнего Ирана, М., 1961, стр. 62; С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 309, 317; его же, Вопросы исторической географии Средней Азии и проблема древней Бактрии, в кн.: «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», ч. I—II, М.—Л., 1939.

²⁹ Сб. «История иранского государства и культуры. К 2500-летию иранского государства», М., 1971, стр. 138.

³⁰ Полевые записи автора, 1962 г., № 13, 17; см. также полевые записи У. Кусекеева за 1933 г. и А. С. Морозовой за 1945 г., Архив Каракалпакского филиала АН УзССР.

³¹ В легенде, записанной Г. П. Снесаревым в 1957 г. у узбеков южной Каракалпаккии, царь, изгнавший группу провинившихся подданных в отдаленный Хорезм, назван более конкретно, чем у Макдиси, — «царем Киянии» (т. е. тем же Кайанидом).

носителем мало заселен в этот период), и *изгнанники основали там государство Хорезм*.

б) *Сиявуш* (Сияваршана Авесты), сын *Кайанида* (царя *Бактрии*?) Кей Кауса (кстати сказать, тоже *изгнанник*; это дополнительная линия аналогий), попал с *юга* в эти почти незаселенные места и стал *основателем* первой *хорезмийской династии Сиявушидов*, правивших в Хорезме до X в. н. э.

в) По преданиям, в *роду* одной из древнейших групп насельников Хорезмского оазиса — *мюитенов* были «цари *Балха и Бадахшана*». Легенды мюитенов говорят об изгнании (истреблении) их предков неким царем (вариант — народом) ³².

В этих сопоставлениях прослеживается определенная историческая закономерность, которая будит исследовательскую мысль, хотя пока еще трудно дать ответ, что стоит за этими историко-фольклорными сюжетами. Какие-то династийные связи между доахеменидскими Бактрией и Хорезмом? Переселения из Бактрии в Хорезм? Необходим поиск: сюжеты исторического фольклора слишком часто содержат рациональные зерна, чтобы их можно было игнорировать ³³.

Этногенетические связи с Ираном прослеживаются также в *генеалогических сказаниях* узбеков южного Хорезма. Генеалогические сказания, возводящие происхождение того или иного народа, этнической группы (племени, рода) или, напротив, группы народов к тому или иному мифическому предку (в качестве которого иногда выступает эпоним народа или тот или иной библейский персонаж), представляют значительный интерес для этнографов, так как в них отражается осознание народом (этнографической группой, племенем) родства с народами-предками, народами-соседями, родоплеменными объединениями, этнографическими группами. Этнографы, занимающиеся вопросами происхождения, этнических связей между народами, часто используют народные генеалогии как косвенный источник доказательства родственных связей между народами или входящими в их состав родоплеменными группами. Данные народных генеалогий (шежере), например, широко комментируются в трудах таких исследователей, как С. П. Толстов ³⁴, Т. А. Жданко ³⁵, Р. Г. Кузеев ³⁶ и др. Тщательный сравнительный анализ соответствующих материалов дает нам основание утверждать, что даже высшие звенья генеалогий, в которых отражается осознание родства по происхождению

³² Подробнее об этом см.: Л. С. Толстова, Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков, стр. 33—34.

³³ Что касается самого существования доахеменидских раннегосударственных образований в Бактрии (с включением в него в определенные периоды Маргианы и, возможно, Согдианы) и другого, так называемого «Большого Хорезма», охватывающего территорию от Хорезма до Парфии и Арейи (и даже Дрангианы), то оно в настоящее время признается многими учеными (Б. Г. Гафуров, Кушанская эпоха и мировая цивилизация, Душанбе, 1968, стр. 4—8; М. М. Дьяконов, Сложение классового общества в Северной Бактрии, «Сов. археология», 1954, XIX, и др. работы; И. М. Дьяконов, Указ. раб., стр. 142—144; С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 49; его же, Основные вопросы древней истории Средней Азии, «Вестник древней истории», 1938, № 1, стр. 183 и др.), хотя ведутся оживленные дискуссии относительно хронологических рамок, территории, устойчивости этих объединений.

Мотивы смешанного происхождения узбеков Хорезма звучат в ряде легенд (помимо связей с Ираном упоминаются и связи с Индией, в чем также есть рациональные зерна, см.: С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 65, 109, 341 и др.; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 72—74).

³⁴ С. П. Толстов, Города гузов (историко-этнографические этюды), «Сов. этнография», 1947, № 3; его же, К вопросу о происхождении каракалпакского народа, «Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР», вып. II, М.—Л., 1947.

³⁵ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. IX, М.—Л., 1950.

³⁶ «Башкирские шежере», Уфа, 1960; Р. Г. Кузеев, К этнической истории башкир в конце I — начале II тыс. н. э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд), сб. «Археология и этнография Башкирии», вып. III, Уфа, 1968.

между группами народов, можно использовать в качестве косвенного источника в этногенетических поисках (при критическом, конечно, отношении к заключенной в них информации и на фоне всех остальных доступных материалов).

У узбеков южного Хорезма, не имевших в прошлом родоплеменных делений, не было, естественно, обширных генеалогий, подобных тем, которые мы находим у кочевых или полукочевых в прошлом народов, сохранявших до недавнего времени разветвленную родоплеменную систему (классические примеры таких генеалогий известны по трудам Рашид-ад-дина³⁷ и Абульгази³⁸). У обследуемой же группы в генеалогических сказаниях отражается осознание родства с народами-предками, народами-соседями, отдельными этническими группами, что, однако, представляет не меньший интерес для исследования.

По народным представлениям *хорезмийцы* имеют того же предка-прародителя, что и *иранцы*³⁹; параллельно с этим в других легендах говорится об одинаковом происхождении *хорезмийцев* и *мюитенов*⁴⁰. Этнографы, собиравшие подобные легенды в 30-х годах в Каракалпакии, также отмечали, что в народных шежирах говорится о неординаковом происхождении, от разных предков, каракалпаков и не до конца еще слившихся с ними в этот период мюитенов (последние выводились от того же предка, что и иранцы)⁴¹.

Таким образом, в историческом фольклоре узбеков южного Хорезма четко прослеживается генетическая преемственность легенд и преданий, эпических сюжетов, перешедших от их восточноиранских предков, несмотря на смену языка носителей этих традиций (с известной трансформацией, конечно). В фольклорных сюжетах удастся обнаружить следы этногенетических и этнокультурных связей, существовавших в древности между населением Хорезма и более южных ираноязычных областей (например, Бактрии), южных связей, прослеживаемых рядом ученых (С. П. Толстов, Г. П. Снесарев, М. В. Сазонова, А. С. Морозова) и в других областях культуры народов Хорезмского оазиса — некоторых элементах одежды, орнамента, украшений, в реликтах доисламских религиозных верований⁴² и др. Фольклорные традиции узбеков южного Хорезма довольно сильно отличаются от традиций в прошлом полукочевого населения Хорезмского оазиса — аральских узбеков, каракалпаков, у которых древнейшие элементы, восходящие к фольклору их сако-массagetских предков, перекрыты мощным наслоением фольклорных традиций более позднего тюркоязычного населения Приаралья и окружающих степей (огузов, ногаев, узбеков дештикыпчакского происхождения и др.).

³⁷ Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, II, М.—Л., 1952; т. II, М.—Л., 1960.

³⁸ «Родословное древо тюрков. Соч. Абуль-Гази, хивинского хана. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова», Казань, 1906; А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абуль-Гази-хана Хивинского, М.—Л., 1958.

³⁹ Полевые записи автора, 1971 г., № 11, 17.

⁴⁰ Полевые записи автора, 1971 г., № 24.

⁴¹ Полевые записи У. Кусекеева, 1933 г., «Архив Каракалпакского филиала АН УзССР».

⁴² С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 197, 198, 221 и др.; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 81—82; Г. П. Снесарев, Реликты доисламских верований и обрядов у узбеков Хорезма, стр. 60—64, 240—257 и др.; М. В. Сазонова, Украшения узбеков Хорезма, Сб. «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии», Л., 1970; А. С. Морозова, Культура домашнего быта каракалпаков начала XX в. (К вопросу этногенеза), канд. дисс., Ташкент, 1954; ее же, Каракалпакский женский шлемовидный головной убор саукеле, «Труды Ташкентского гос. ун-та», вып. 200, «Исторические науки», кн. 41, Ташкент, 1963.

ANCIENT MOTIFS IN THE FOLKLORE OF SOUTHERN KHOREZM UZBEKS

Motifs originating in the mythology and folklore of the region's former inhabitants, the East Iranic peoples, survive in Southern Khorezm in Uzbek historical folklore up to the present time; these are the «Avesta» motifs some of which later found a certain place in «Shah-Nameh». Some folklore themes may have expressed actual historical events that had taken place in antiquity. This permits the use of historical folklore as a supplementary source for studies in ancient history. Particular interest attaches to motifs concerning migrations (which appear to have taken place as early as in the pre-Achaemenide period) from Baktria to Khorezm and certain dynastic links between these ancient states.
